

ВЕДОМОСТИ

ЗАВИСИМОСТЬ: Что нам нефть?

Евсей Гурвич,

научный руководитель Экономической экспертной группы, профессор Российской экономической школы

21 мая 2004

Сегодня, когда цены на нефть покоряют все новые высоты, зададимся вопросом: насколько зависима наша экономика от внешней конъюнктуры? Может ли, например, правительство считать послекризисный рост своей заслугой, или же (как считают многие эксперты) он объясняется исключительно подорожанием углеводородов? Другой аспект той же проблемы: растет или ослабляется уязвимость нашей экономики по отношению к непредсказуемым колебаниям цен мирового рынка - ведь именно резкое падение мировых цен на нефть запустило механизм финансового кризиса в 1998 г.

Разноречивость суждений по поставленным вопросам во многом питается недостатком обобщающих данных о нефтегазовом секторе, несмотря на центральное место, которое он занимает в российской экономике. Построенные нами интегральные оценки показывают, что полная доля этого сектора (включая добычу нефти и газа, нефтепереработку и транспортировку по трубопроводам, а также ту прибыль, которая через механизм трансфертных цен передается в торгово-посреднический сектор) лежала в последние годы в диапазоне от одной пятой до четверти от общего ВВП страны, составляя в 2003 г. 21% суммарного ВВП. Это близко к доле нефтегазового сектора в Норвегии и примерно вдвое меньше, чем в классических нефтяных державах - Саудовской Аравии и Кувейте. Важный вывод состоит в том, что без колебаний мировых цен расчетная доля нефтегазового сектора последовательно сокращалась бы, составив в прошлом году лишь 17% ВВП. Это говорит о постепенном снижении роли нефтегазового сектора.

Вопреки распространенному мнению, не столь велика зависимость бюджета от добычи и переработки углеводородов. Доля доходов в расширенном бюджете, источником которых служит нефтегазовый сектор, примерно соответствует его доле в ВВП. Серьезную проблему, однако, представляет то, что основная часть нефтегазовых доходов концентрируется в федеральном бюджете, где в результате их доля оказывается действительно высокой (39% в 2003 г.).

С точки зрения устойчивости бюджета важен не только вклад нефтегазового комплекса в бюджетные доходы, но и их чувствительность к колебаниям цен мирового рынка. Известно, что восстановление после кризиса экспортных пошлин и привязка их размеров и ресурсных платежей к мировым ценам на нефть усилили прямую зависимость бюджетных доходов от внешней конъюнктуры. Скажем, если бы в прошлом году цена нефти была бы "стандартной" (на уровне \$20 за баррель) , то доходы на федеральном уровне оказались бы на 2,5% ВВП меньше. Однако это само по себе не означает, что система государственных финансов стала более уязвимой, поскольку на самом деле устойчивость определяется не только стабильностью доходов, но и тем, как они используются, т. е. проводимой бюджетной политикой в целом. Ее анализ показывает, что начиная с 2000 г. дополнительные доходы бюджета от благоприятной внешней конъюнктуры направлялись либо на сокращение долга (т. е. на облегчение нагрузки на бюджет в будущем) , либо на накопление финансовых резервов. Всего за последние четыре года конъюнктурные доходы, полученные федеральным бюджетом, можно оценить в \$24 млрд, тогда как чистое погашение внешнего долга (превышение погашения над новыми заимствованиями) составило \$30 млрд, и сверх того было накоплено почти \$9 млрд финансового резерва. Будущая устойчивость бюджета по отношению к возможному ухудшению конъюнктуры обеспечивается созданием стабилизационного фонда, механизм которого преобразует переменчивую внешнюю конъюнктуру в постоянные для государства условия. Посадить себя на "нефтяную иглу" можем только мы сами, если начнем жить не по средствам, забыв, что высокие цены на углеводороды даны нам не навсегда. Вот тогда за эйфорией неизбежно последует "ломка", поскольку цены через большее или меньшее время упадут, как это всегда бывало в прошлом.

Наконец, самый непростой вопрос: какой вклад в послекризисный рост внесла (с учетом всех прямых и косвенных эффектов) благоприятная конъюнктура? При прочих равных она действительно существенно ускоряет экономический рост, однако механизмы такого воздействия могут блокироваться мерами правительства и Центрального банка, защищающими экономику от колебаний внешней конъюнктуры. Препятствуя чрезмерному укреплению рубля, ЦБ нарастил за последние четыре года золотовалютные резервы на \$64 млрд. С экономической точки зрения это, как и сокращение внешнего долга, свидетельствует, что сверхдоходы превращались не в дополнительный инвестиционный и потребительский спрос, а в создаваемый государством отток капитала. Суммарные конъюнктурные доходы за четыре последних года, по моим оценкам, составили \$68 млрд (в том числе по углеводородам - \$56 млрд). За это же время отток капитала за счет накопления резервов и погашения внешнего долга был равен \$99 млрд. Таким образом, фактически наша экономика не пользовалась преимуществами высоких цен: расчеты показывают, что с макроэкономической точки зрения она жила как бы при ценах 19 \$/барр. Это вовсе не означает, что власти не смогли правильно распорядиться представившимся счастливым случаем. Правительство использовало высокие цены для практически полного решения долговой проблемы (вспомним, насколько грозно выглядела "проблема-2003" несколько лет назад), а Центральный банк "обменял" благоприятные внешние условия на ограниченное укрепление рубля и снижение будущих валютных рисков. Можно обсуждать, насколько оправданным был такой размен, но в любом случае ясно, что невозможно одновременно пользоваться всеми выгодами благоприятных внешних условий и иметь слабый и стабильный рубль.

Построенные в Экономической экспертной группе модели говорят, что в последние годы "стандартный" темп роста составлял примерно 5%, отклонения от этого уровня определялись изменением мировых цен. Поскольку в среднем в 2000 - 2003 гг. экономика росла на 6,8% в год, можно сделать вывод, что в целом конъюнктурный фактор определил лишь четверть фактического роста, т. е. был далеко не главной его причиной. Отметим, что в целом за последнее четырехлетие рост добавленной стоимости в нефтегазовом комплексе был примерно таким же, как в остальной экономике (хотя в последние два года нефтяная промышленность стала настоящим локомотивом роста). Большой рост в нефтяной промышленности был компенсирован спадом в газовом секторе.

Чем же определялся "неконъюнктурный" 5%-ный рост экономики? Здесь сыграли роль и переход после кризиса к более адекватной экономической политике (что позволило уйти от прежней виртуальной "экономики неплатежей"), и повышение общей политической и макроэкономической стабильности, активизировавшее инвестиционный процесс, и улучшение управления предприятиями. Во всех переходных экономиках за периодом спада следовало оживление, поскольку формирование собственника и завершение начального накопления приводили в действие рыночные силы. Однако, если мы хотим, чтобы рост продолжился (или тем более ускорился), чтобы экономика стала по-настоящему конкурентоспособной, предстоит сделать гораздо больше, чем уже достигнуто. Наладить нормальные отношения между бизнесом и властью, заставить бюрократию работать на страну, а не на себя, создать независимую и неподкупную судебную систему, развить финансовый сектор. Без решения этих проблем нам не помогут даже очень высокие цены на нефть.